

The background is a dark, textured green with a subtle, glowing pattern. In the upper right, a lily flower with dark spots on its petals is shown. In the upper left, a round coin with a coat of arms and the word 'CORTE' hangs from a chain. In the lower right, a dark, ornate mask is visible. The title is centered in a large, elegant serif font.

Его Пейто.
ОДЕРЖИМАЯ

К ФЕЛОНΙΑ

К Фелония Его Пейто. Одержимая

<https://litres.ru/74382427>

Аннотация

Говорят, каждый в этой жизни ищет свой храм, чтобы преклонить колени. Я нашла своего Бога.

Я, Камила Саморано, не веду переговоры с террористами, даже если у террориста самая красивая задница в Барселоне.

Ты просто грязная психопатка, Камила.

Заткнись.

Порой я задумываюсь: а что было бы, если бы не вышла тогда на ту террасу? Ничего бы не было.

Ты просто сумасшедшая. Тебя выкинули из семьи. Мартин выкинет тоже.

Я заставлю его полюбить меня — или привыкнуть. Привычка — это тоже форма любви, верно?

А пока я просто Камила. Бывший агент. Бывшая пленница. Будущая жена Мартина Кортеса, даже если сам Мартин пока не в курсе.

— М!

— Ой, Мартин, прости! Сейчас развяжу!

В общем, не судите строго. Каждый сходит с ума по-своему. Просто мой способ — самый красивый блондин в Барселоне,

который пока не понял, что он уже мой. Но ничего... у нас вся жизнь впереди и пара рулонов скотча.

М-м, грязные игры с моим Богом — что может быть лучше?

Содержание

ОЧЕНЬ ВАЖНО	5
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	42
Глава 5	53
Глава 6	64
Глава 7	76
Конец ознакомительного фрагмента.	89

ОЧЕНЬ ВАЖНО

Книга входит в цикл «ЕГО»

«Его Пейто. Одержимая» — 6-ая, можете читать ОДИНОЧКУ.

##ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ##

В тексте присутствуют темы, которые могут быть неприемлемы:

1. *Насилие и жестокость*: Убийства и физическая расправа. пытки и лишение свобод. Использование оружия.
2. *Сексуальный контент и этика*: Сексуальное насилие. Фетишизация власти. Объективация.
3. *Психологические триггеры*: Ментальные расстройства. Стокгольмский синдром. Токсичные отношения.
4. *Другое*: Ненормативная лексика. Упоминание детей в опасности.

Основные тропы книги

От врагов к возлюбленным.

Одержимая героиня.

Стокгольмский синдром.

Ледяной король.

Мафиозный мир.

Ненадежный рассказчик.

Смена ролей.

Преданная своей семьей.

Антигероиня.

Глава 1

Верность семье Саморано привела меня в подвал к врагу. В детстве мне вбивали: семья — это все. Ты — агент. Ты — оружие. Ты — продолжение босса. Мафия не казалась мне странной, потому что родиться в ней — все равно что обычному ребенку родиться в обычной семье.

Сколько я здесь сижу? Считала часы, пока не сбилась. Солнце не видно, луны тоже.

Дура. Тебя просто отдали. Ты стала ненужной.

— Заткнись, — шептала себе.

В углу валяется острая палочка. Взяла бы. Исполнила долг агента: попался — покончи с собой.

Сверху раздались шаги. Потом по лестнице. Дверь открывается.

— Камила, расскажи мне, — голос Мартина.

— Я уже все рассказала.

Раздражение поднимается из желудка. Откуда у меня еще остались силы на чувства?

Воткни в него эту железку.

— Если расскажешь, я отпущу тебя.

Мартин подходит ближе к клетке. В полумраке видно его зеленые глаза. Отвернулась к стене.

— Я уже все сказала.

Мартин Кортес стоит молча.

Я рассказала все. Все, что помнила. Все, что знала о секретах семьи. Сколько еще этот мафиозный босс будет меня пытаться?

Мартин достал ключи. Металл звенит. В груди колотилось.

— Ты не рассказала про порты и все места семьи, — шепнул, возясь с замком клетки.

Набросься на него!

Этот голос в голове бесил сильнее, чем подвал.

— А ты мне карту давал? — повернула голову. — Дай карту — покажу.

— Поэтому и пришел. — Мартин открыл клетку. — Насиделась. Пора на свободу, Камила Саморано.

Встала. Ноги затекли, но я шла. Подошла к прутьям. Положила пальцы на холодный металл.

— Не боишься, что накинусь?

Смотрела ему в глаза. Такой красивый.

— Нет. Ты сидела тут год, Камила. Твое тело слабое. Мне повезло.

Нога ступила на холодный бетон. На секунду замерла, привыкая к пространству. Оказалась около него. Пахнет парфюмом со сладкими нотками — ирисками или ванилью, но с холодным, острым оттенком. Таким же холодным, как он сам. Запах за год стал родным, как этот чертов подвал.

— Ты даже не поздравил меня с днем рождения? — выгибаю бровь. — Раз я тут просидела год, то где мой торт?

Праздник?

— Иди уже. — подтолкнул в спину, ладонь ложится между лопаток.

Ноги понесли сами. Почти забыла, как двигаться без боли в коленях.

— Но все равно мне обидно, Кортес. Мог бы своей прекрасной пленнице тортик подарить. Свечки поставить.

Он молчит. Идет за мной — шаги глухие, ровные. За весь год я заметила: Мартин не особо разговорчивый. Только вопросы задает и слушает.

Живот сжался — не то от голода, не то от того, что я делаю дальше. Улыбка растянулась на лице сама, без моего разрешения. Я повернулась к нему.

Зеленоглазый блондин поднял глаза.

— Ваше светлость... Вы что, ведете меня на казнь?

Его лицо меняется — глаза тускнеют, под ними залегают тени. Целый год слушать мои шуточки и подколы. Не каждому такое под силу.

— Хочу вернуть тебя обратно в клетку, — говорит сухо. Голос без единой эмоции. — Пойдешь?

— Только если ты будешь рядом.

Мартин замирает. Дыхание, кажется, останавливается. К этому он еще не привык — чтобы пленница так отвечала. Мартин прочищает горло, и этот звук в тишине лестницы звучит громко.

— Иди.

Я цокнула языком. Развернулась и иду дальше, ступенька за ступенькой. Ноги дрожали от слабости, но я не показывала.

Поцелуй его.

Хотелось бы. Голос, знал бы ты, как хотелось.

Поднялись в светлый коридор. Я бегло осмотрелась — белые стены, три двери, никаких окон.

— Хочешь сбежать? — голос Мартина за спиной спокойный, ленивый. — Можешь попробовать.

— А ты хочешь побегать? — повернулась к нему. — Ты только скажи — побегу. Знаю таких мафиози, которым нравится, когда от них бегают. Их это возбуждает.

Мартин смотрит на меня. В глазах стена из льда — ни трещины.

— Мне бежать?

Молчит.

— Ц. Поняла. — отвернулась. — Куда идти, а?

— На улицу, Камила.

— Увозишь из своего дома?

— Это не основной дом.

— Я даже не была достойна поселиться в твоём основном доме! — голос сам сорвался на восклицание. — Это бьет по моему эго. Обидно.

Я пошла к двери в конце коридора. Остановилась. Повернулась.

— Помыться. Хочу помыться.

— Помоешься, как приедем.

— Устроишь мне экскурсию по Барселоне? А то видишь ли... я не успела осмотреться. Сразу попала в твои очаровательные руки.

Смотрела на него и облизнула губы — губы сухие после года в подвале.

— Устрою.

— Спасибо, Кортес.

Выхожу из дома. У лестницы стоит секьюрити — сигарета тлеет между пальцев, дым тянется вверх. Справа раздается звук мотора, урчит низко, настойчиво.

Спускаюсь. Прохожу мимо черной фигуры — даже не смотрю в лицо. Иду к машине. Грудь двигается тяжело, быстро. Легкие будто забыли, как дышать воздухом без запаха сырости и собственного пота.

— Соскучилась по воздуху, Камила, — раздается голос Эльдо.

Останавливаюсь. Резко поворачиваюсь.

— Да твой босс все-таки решил вывести собачку поссать на травку. Загажу весь газон.

Эльдо усмехается. Всегда усмехался — коротко, одними уголками губ. Единственный, кто разговаривал со мной за этот год как с человеком, а не как с мешком информации.

— Камила, в машину. Эльдо, меньше слов, больше дела, — роняет Мартин, не глядя на нас, и идет к машине.

Я провожаю его взглядом. Потом смотрю на Эльдо, под-

мигиваю. Он улыбается — уже нормально, открыто.

— Понял, Эльдо? Меньше слов, больше дела.

Открываю дверь сама — никто не спешит помочь. Забираюсь внутрь. Кожа сиденья холодная даже через джинсы. Водитель за рулем трогается сразу, будто только этого и ждал.

Из угла глаза наблюдаю за ним. Потом поворачиваюсь корпусом и смотрю открыто.

— Мне бы одежду, босс.

— Я не твой босс.

— А я не собака, но на газон нагадила. — отмахиваюсь рукой, пальцы все еще помнят холод прутьев. — Мне бы и правда одежду.

— Она уже в особняке.

— Кровать из земли?

Мартин поднимает взгляд от телефона. Ждет секунду, прежде чем ответить.

— Да.

— Спасибо, Кортес. Мне приятно.

Отворачиваюсь к окну. Барселона живет своей жизнью — люди идут по тротуарам, кто-то сидит на лавке с кофе. За год все изменилось, наверное. Деревья подросли. Витрины другие. А может, мне просто кажется.

А ты этот год сидела как отброс в подвале.

— Я и есть отброс.

— Что? — голос Мартина.

Улыбаясь, поворачиваю голову от окна. Мартин смотрит, правая бровь слегка поднята — единственное движение на его лице за последние десять минут.

— Говорю: Саморано — отбросы.

— Ты являешься Саморано. — Голос чуть непонимающий, но в основном ленивый и холодный.

— Иронично, правда? — улыбаюсь шире, чувствуя, как скулы начинают ныть от непривычки.

Мартин решает не отвечать. Смотрит снова в телефон. Я отворачиваюсь.

Ты знала, что ты шизофреничка? У тебя голоса в голове. Тебе бы к психологу, Камила.

— Не хотел бы ты устроить мне экскурсию? — спрашиваю, глядя в окно. Молчать не хочется — если замолчу, опять полезут мысли, а за ними и голос. — Я Барселону так и не посмотрела.

— Потом посмотришь. Ты не на отдыхе, Камила.

— Как по мне, у меня и правда отпуск. Всю жизнь я работала на Саморано, а сейчас год сидела и отдыхала в подвале. — Лоб касается холодного стекла, город расплывается в пятна. — Осталось только помыться, а еще осмотреть весь город.

— Осмотришь.

Молчу. Прижимаюсь головой к окну сильнее — стекло вибрирует от движения машины, и этот гул заполняет голову лучше, чем тишина.

— Когда-нибудь.

Я не отвечаю. Смотрю, как проплывают дома, и считаю про себя до ста, чтобы не начать снова с ним спорить. Или чтобы не услышать тот голос. Не пойму уже, что хуже.

Выходим из машины. Перед нами особняк — белый, огромный, с колоннами у входа. Газон стриженный, ровный, как бильярдный стол. На втором этаже балкон во всю стену, под ним посажены деревья — не просто кусты, а настоящие деревья, с толстыми стволами и раскидистыми кронами.

Мартин проходит мимо меня. Запах его парфюма снова бьет в нос — сладкий и холодный одновременно, как мятная карамель со льдом. Я перетаскиваю вес на другую ногу. Низ живота тянет. Внутри сжалось и не хочет разжиматься.

Блондин останавливается. Нога замирает на первой ступеньке. Поворачивает голову — плавно, нехотя.

— Тебе особое приглашение нужно?

— Я жду приказа.

— Камила, ты не псина.

— Ну прикажи мне, Мартин.

Мартин молчит. Сверлит меня своими изумрудами — зелеными, холодными, без единого теплого оттенка. Вижу, как он хочет закатить глаза: веко дернулось, едва заметно. Я питаюсь его движениями, каждым микрожестом, который он позволяет себе в моем присутствии.

— Иди, — выдыхает. В голосе нет раздражения, но и спокойствия тоже нет. Чистый приказ, сжатый в одном слого.

Улыбаюсь. Иду.

Прохожу мимо него. На ступеньках специально замедляю шаг — чтобы захватить глазами как можно больше. Его профиль, плечи, руки. Мартин смотрит в ноги, скулы ходят, челюсть сжата.

Дверь открывают перед нами, проходим внутрь. Холл огромный, пол из светлого камня, люстра на толстых цепях.

— Нино, — зовет Мартин.

Из боковой двери выходит охранник. В руках кружка с чаем, в зубах зажат пирожок — наполовину надкусанный, с мясом судя по цвету.

— Проводи девушку, — Мартин кивает в мою сторону.
— Покажи ей комнату.

Смотрю на Мартина открыто, не отвожу взгляд. Это чего он сам не хочет меня проводить? Почему?

— Босс, я ем, — отвечает Нино, держа пирожок зубами так, что слова выходят невнятными.

Мартин смотрит на него тяжело. Взглядом, от которого у нормального человека пирожок поперек горла встанет. Потом краем глаза зыркает на меня. Я ловлю этот взгляд, и внутри расцветает, распускается, греет.

Мартин тяжело выдыхает.

— Как поешь — проводи.

Все, что расцвело внутри, рушится одним ударом. Он

охренел? Я что, противна настолько, что он не может пройти со мной пару коридоров?

Конечно, ты противна. Отродье Саморано.

— Босс, но мне кажется, что девушке скучно будет стоять и ждать меня, — говорит Нино, убирая пирожок ото рта и запивая из кружки большим глотком. Чаек, наверное или кофе. Я смотрю на его руку и почему-то запоминаю, что кружка синяя, с отбитой ручкой.

Мартин поправляет рукава пиджака. Медленно, тщательно, будто это самое важное дело сейчас. Смотрит на Нино из-под лба — тяжело, вязко. Нет, Нино, не кажется! Конечно, мне будет некомфортно без моего... без Мартина.

— Мартин, проводи меня, — говорю я. Голос выходит резче, чем я планировала, сухой приказной тон, которого я сама от себя не ожидала, но плевать. Вышло как вышло. — Это твой дом. Мне будет некомфортно без хозяина.

Мартин замирает на секунду. Поправляет второй рукав — теперь оба идеально ровные, ни одной складки. Поднимает глаза. Смотрит на меня. Нино за спиной молчит, даже пирожок не жует.

— Хорошо, — говорит Мартин тихо, почти не разжимая губ. Разворачивается и идет вглубь дома, не оборачиваясь, уверенный, что я пойду следом.

Конечно, мать его, я пойду за ним. Смотрю на его спину — пиджак сидит идеально, под ним угадываются широкие плечи. Опускаю взгляд ниже и откровенно рассматри-

ваю задницу. Год в подвале не отбил привычку смотреть на красивых мужчин.

— Где моя комната? — спрашиваю, ускоряя шаг, и догоняю его. Иду плечом к плечу, почти касаясь.

Мартин уклоняется в сторону — едва заметно, но чувствую, как отодвигается. Мои губы растягиваются, как у чеширского кота. Я придвигаюсь обратно.

— Камила, — предупреждает. Голос ровный, но в нем появляется та самая нотка, которую научилась распознавать за год — когда он уже на грани, но не показывает.

— Моя комната где?

— Второй этаж, — отвечает, когда мы уже поднимаемся по лестнице. Перила деревянные, темные, ступени оббиты ковровой дорожкой — глушат шаги, делают наши движения почти бесшумными.

Смотрю на его профиль. Жду, когда он снова посмотрит на меня.

Мартин упорно смотрит вперед, пока мы идем по коридору. Ни разу не повернул голову, даже когда я почти касалась его плечом.

Останавливается у белой двери. Открывает, пропускает меня внутрь — жестом руки, сухим и быстрым, будто ему не терпится от меня избавиться.

Комната большая. С балконом, за стеклянной дверью видны ветки деревьев. Кровать широкая, застелена белым постельным бельем, на котором уже лежит аккуратная стопка:

джинсы, футболка, белье, полотенце. Все новое, с иголки, даже этикетки не срезаны.

Поворачиваюсь к Мартину. Тот закрывает дверь перед моим носом. Щелчок замка — и остаюсь одна.

— М-м, какой холодный, — говорю в закрытую дверь, разворачиваюсь и иду к кровати. Хватаю вещи, прижимаю к груди. — Ну ничего... Знаю я приколы таких холодных людей.

Камила... Зачем ты смотрела на его задницу?

Улыбаюсь. Сама себе, пустой комнате, этой огромной кровати, которая пахнет стиральным порошком и чем-то еще — может, лавандой.

Ты смотрела на задницу своего тюремщика. Ты его пленница.

— Он мой пленник.

Сказала вслух. Голос в комнате прозвучал глупо, но я не беру слова обратно. Иду в сторону, где, по идее, должна быть ванная.

Глава 2

Вышла из комнаты после того как проснулась. Живот урчит так громко, что, кажется, эхо разносится по коридору. Я уже чистая — кожа пахнет гелем с кокосом, волосы влажные и тяжелые, стянуты в узел на затылке. Ощушаю себя королевой этого дома.

Так тому и быть.

Королева? Да ты королева подвала...

— Закрой рот, — шепчу одними губами. Пальцы сжимаются в кулак.

Иду по коридору, прислушиваясь к звукам. Где-то внизу звенит посуда, слышны голоса. Останавливаюсь у перил, смотрю вниз на холл.

Интересно, Сара жива? Хотя как она может быть жива после того, как ее так же отправили к боссу Амадо Баскеса.

Внизу хлопает дверь. Я вздрагиваю. Голос на секунду замолкает.

Спускаюсь вниз. На лестнице встречаю охранника — тот поднимается вверх, замечает, и взгляд становится такой, будто первый раз в жизни увидел девушку. Засматривается так, что задевает плечом стену, чертыхается и быстро уходит, бормоча себе под нос.

Внизу, в холле, вижу Нино. Тот выходит из какой-то комнаты, в зубах зажато печенье — рассыпчатое, с шоколадной

крошкой, которая сыплется на футболку. В правой руке нож. Не кухонный, скорее разделочный, с широким лезвием.

— Эй, — зову. — Нино. Где тут кухня? Я есть хочу.

Нино замедляется, будто только что вспомнил, что вообще существую. Поворачивает голову ко мне — медленно, с ленцой. Осматривает с ног до головы, задерживается на лице. Указывает ножом на дверь, из которой только что вышел.

— И не эйкай, — говорит и уходит. Печенье хрустит на каждом шагу.

смотрю ему в спину и передразниваю выражение лица — брови в кучу, губы трубочкой.

— И не эйкай, — бормочу. — Пошел к черту.

Захожу. Кухня большая. Прямо как в ресторане — остров посередине, вытяжка серебристая, ряды шкафов с матовыми фасадами. На столешнице разделочная доска, рядом с ней ножи стоят в подставке.

Возьми нож и сделай то, что должна... Возьми нож и исполни то, зачем сюда вообще приехала.

Смотрю на них. Легче всего средний — ручка деревянная, лезвие сантиметров пятнадцать. В самый раз.

— Еще бы Мартина убивала, — говорю вслух. Голос в пустой кухне звучит глухо, будто разговариваю с холодильником.

Подхожу к нему, дергаю ручку. Внутри прохладно, свет включается автоматически. Полки заставлены: йогурты, сыры, бутылка минералки, зелень в пакете, банка с чем-то крас-

ным — то ли томатная паста, то ли аджика.

За спиной шагов не слышно. Но я чувствую, что кто-то стоит в дверях.

— Камила, — голос Эльдо.

Поворачиваю голову. Тот стоит в дверях, прислонившись плечом к косяку, руки скрещены на груди. Смотрит на меня спокойно, даже как-то устало.

Поджимаю губы.

— Босс сказал, чтобы ты оделась. И вы поедете на набережную.

— Он хочет меня утопить?

— Да.

Глаза сужаются сами собой. Эльдо замечает реакцию и усмехается — коротко, одним уголком рта.

— Поешь. Он хочет поесть на набережной. Тебя одну дома оставлять никто не собирается.

— В чем логика?

— Знал бы я, в чем логика, — он пожимает плечами. — Босс сказал — я передал.

— Он ведь избегает меня.

— Ты хотела посмотреть город. Вот тебе и экскурсия.

Закрываю холодильник. Пальцы оставляют разводы на матовой дверце.

— Я одета.

Идем до ресторана по набережной. Справа тянется парапет, за ним вода — темная, с бликами от уличных фонарей. Слева выстроились здания в два-три этажа, внизу у всех террасы, почти везде сидят люди, слышен смесЬ голосов, звяканье бокалов, музыка из открытых дверей.

Кручу головой, впитываю все. Машины проезжают мимо, сигналият. Ветер с моря пахнет солью и жареным кальмаром. После года в подвале каждый звук кажется слишком громким, каждый свет — слишком ярким.

— Сейчас август? — спрашиваю.

Мартин идет впереди, чуть сбоку. Не вплотную, но достаточно близко, чтобы чувствовала присутствие. Руки в карманах брюк, плечи расслаблены, но взгляд цепкий — я вижу, как он сканирует прохожих, машины, входы в здания.

— Почти август, — отвечает.

— А точнее?

— Двадцать седьмое июля.

Запоминаю дату. Потому что последняя дата, которую я помню, была где-то в середине прошлого августа.

— Тепло, — говорю. Поднимаю лицо к небу, закрываю глаза на секунду.

— Жарко.

Открываю глаза. Смотрю на него. Мартин смотрит вперед, профиль четкий, скулы острые, на лбу тень от темных очков.

— А ты всегда все поправляешь?

— Когда неправда.

Усмехаюсь. Внутри сердце екает, но заталкиваю это чувство поглубже, туда, где живет голос.

Подходим к ресторану. Официант у входа расплывается в улыбке, узнавая Мартина.

Садимся за стол. Смотрю на воду — она темнеет с каждой минутой, солнце уже почти село, только полоса оранжевого осталась на горизонте. Беру меню, листаю, не глядя на названия, просто чтобы чувствовать бумагу под пальцами. Заказываю то, что хочу — пасту с морепродуктами и белое вино.

— Покупаемся голышом?

Мартин до этого поправлял салфетки — ровнял их по краю стола, хотя они и так лежали идеально. Замер. Поднял на меня взгляд.

— Что?

— Говорю, пошли покупаемся голышом, — мотнула головой в сторону воды. Волосы падают на лицо.

Мартин скользит взглядом на воду. Потом на меня. Задерживается на лице на секунду дольше, чем обычно. Опускает взгляд, поправляет салфетки уже в третий раз, откидывается на спинку стула. Скрещивает руки на груди.

— Молчание — знак согласия, — говорю, беру стакан с водой и делаю глоток. Лед звякает о зубы.

Мартин медленно опускает руки, сцепляет пальцы в замок на столе. Большие пальцы крутятся вокруг друг друга — медленно, ритмично. Раздражается? Ждет еду?

Пытаюсь прочесть лицо, но оно как закрытая книга. Только вот эти пальцы выдают то, что скрыто.

— Камила, — говорит Мартин тихо.

— М?

— Ешь. Пей. Смотри на город. Но купаться голышом в посреди ресторанной зоны — нет.

Улыбаюсь.

— То есть если бы не ресторанная зона, то можно?

Мартин не отвечает. Смотрит на официанта, который несет заказы. Спасение пришло.

Еду поставили перед нами. Беру вилку, накручиваю пасту — спагетти с креветками, пахнет чесноком и базиликом. Отправляю в рот. Горячо, но вкусно. Настолько вкусно, что хочется закрыть глаза и просто жевать, ни о чем не думать.

— Я бы покупалась даже если и в ресторанной зоне. Живем один раз. Молодость дается раз в жизни. И проживать по каким-то правилам не хочу.

Глотаю, делаю глоток вина. Белое, сухое, холодное — проходит по горлу, и чувствую, как расслабляются плечи. Вкусно.

Мартин разрезает рыбу на мелкие кусочки, подносит к губам, жует. Смотрит куда угодно, но не на меня. На воду. На проходящую мимо пару. На чайку, которая села на перила. Все что угодно, только не я.

Мои глаза сужаются. Во рту помимо привкуса вина теперь еще и обида. Горькая, липкая, застревает в горле.

— Я настолько противна тебе, Кортес?

Мартин молчит. Ест дальше. Вилка разрезает рыбу, поддевает кусочек, отправляет в рот.

Ожидание мое как иголки.

Ставит вилку на край тарелки. Берет салфетку, промокает губы. Кладет салфетку на стол.

— Ты не противна.

Говорит это так, будто объясняет ребенку, почему два плюс два — четыре.

— Тогда почему ты меня избегаешь?

— Я не избегаю.

— Не смотришь на меня.

Мартин смотрит прямо в глаза. Так долго, что чувствую, как внутри все переворачивается, как пальцы сжимают бокал сильнее, чем нужно.

— Смотрю.

Отводит взгляд. Берет вилку. Продолжает есть. Я сижу, смотрю на него, и не знаю, что делать с этим ответом.

Шли по набережной. Позади нас — двое охранников, держатся на расстоянии, но не спускают глаз. Слышу их шаги — ритмичные, тяжелые. Впереди вода блестит под фонарями, лунная дорожка дрожит на поверхности.

Останавливаюсь. Стягиваю обувь — сначала одну, потом вторую, бросаю на каменный парапет. Иду к воде босиком

по теплому камню.

— Камила, — зовет Мартин. В голосе напряжение — то самое, когда он не уверен, что сделаю, и это бесит.

Бойтся, что я купаться полезу. Пусть бойтся.

— Я ножки помочить, — бросаю через плечо, отмахиваясь.

Ступаю в воду. Она теплая, почти парная — за день нагрелась, и от этого кожа покрывается мурашками. Волна накатывает на щиколотки, потом выше, до середины икры. Я стою, чувствую, как песок уходит из-под пяток, как вода обтекает ступни.

Мартин не окликает больше.

Опускаюсь ниже — вода доходит до колен. Сзади слышу его шаги. Я все еще не оборачиваюсь.

— Я не полезу, — говорю спокойно. — Просто хочу вспомнить, как это — чувствовать что-то, кроме бетона.

Молчит.

Вода плещется о ноги. Смотрю на горизонт.

Губы расплзаются в улыбку чеширского кота, и бегу вглубь. Вода расступается под ногами, сначала по колено, потом по пояс. Смешок вылетает из горла, и я не могу его остановить. Внутри все горит — не от вина, от этого дурацкого, запретного, дикого веселья. Год взаперти выплескивается наружу одним безумным рывком.

— Босс? — слышу голос одного из охранников. Вопрос, растерянность, непонимание.

— Да твою же... — выдыхает Мартин.

Руки рассекают воду, ноги работают ровно, ритмично — тело помнит, как это делается, даже если год не плавало. Ныряю. Проплываю дальше, вынырываю. В лицо бьет ветер с моря, соль на губах, волосы прилипли к щекам.

Сзади — огромный всплеск воды. Такой, будто кита запустили с парашюта.

Поворачиваю голову.

Мартин плывет. Резко, мощно, не как я — без развлечения, с одной целью. Волна от него докатывается до меня, толкает в плечо.

На парашюте охранники стоят с пиджаком, рубашкой, брюками. У одного в руках еще и ботинки. Выглядят так, будто их босс только что совершил самую большую глупость в жизни. Смотрю на них и чувствую, как внутри распирает от восторга.

Мартин хватается за руку. Визжу. Он встает на дно, и вода оказывается по грудь. Мокрый, злой, с прилипшими ко лбу волосами.

— Ты боялся, что я уплыву от тебя, Кортес?

— Что за чушь ты несешь?

— Не переживай. Я навсегда с тобой.

Поднимаю брови. Улыбаюсь. Мартин выдыхает.

— К берегу, Камила.

— Не могу. Ноги не ходят. После года в подвале я разучилась ходить, — дую губы.

— Я не понесу тебя.

— Ошибаешься. Я отсюда не выйду.

Мартин сжимает зубы — скулы ходят, желваки перекатываются под кожей. На секунду кажется, он сейчас развернется и уйдет, оставит меня здесь, в воде, дуру.

Потом лицо становится пустым.

Хватает выше локтя — пальцы впиваются, но не больно, просто надежно. Тащит к берегу. Упираюсь, специально, ноги волоку по песку, чтобы было тяжелее. Мартин перехватывает за талию — рука скользит, прижимает к себе, и дальше мы идем уже быстрее.

Чувствую спиной грудь. Твердую, горячую. Руки касаются живота, бедер. Сердце колотится об ребра так сильно, что, кажется, Мартин тоже это чувствует. Горло сохнет.

Останавливаемся у самого берега. Мартин отпускает меня резко, будто обжегся. Отступает на шаг.

— Иди, — говорит хрипло. — Тебя отведут в машину.

Стою, смотрю на него. Вода стекает с волос на лицо, с лица на футболку. Не двигаюсь.

— Иди, — повторяет тверже.

Медленно поворачиваюсь. Иду к парапету, где охранники с вещами Мартина смотрят на нас, как на цирковых артистов.

Подхожу. Все-таки оборачиваюсь — не могу удержаться. Мартин выходит из воды, идет к ним, не глядя. Забирает бьюки, начинает натягивать, даже не вытираясь.

Поджимаю губы, смотрю. Мокрые волосы, капли стекают по шее на грудь, по плечам. Боксеры серого цвета облепили ноги так, что выделяют то, что я должна видеть всегда. Ноги напрягаются сами собой, колени чуть подгибаются. Поднимаю взгляд выше — живот, мышцы под мокрой кожей, потом грудь, ключицы, шея. Выше...

— Пошли, — обрывает охранник созерцание. Голос сухой, терпеливый, но с ноткой — мол, давай, насмотришься потом.

Не двигаюсь. Смотрю, как Мартин натягивает брюки на мокрое тело, как застегивает пуговицу, и почему-то этот бытовой жест сбивает больше, чем вид боксеров.

— Камила, — теперь голос охранника настойчивее. — В машину. Босс сам придет.

Перевожу взгляд на него. Потом снова на Мартина — тот уже надевает рубашку, не застегивая, просто накинул на плечи. На секунду взгляды встречаются.

Отворачиваюсь первой. Иду к машине. Ноги все еще ватные, но иду.

Живот тянет — не от голода, от того, что перед глазами до сих пор стоит картинка. Как он выходит из воды. Как серые боксеры облепили ноги. Как застегивал брюки — мокрыми пальцами, не глядя, просто привычное движение, от которого у меня пересохло во рту.

Кусаю губу. Чувствую вкус соли — то ли морской, то ли уже крови. Грудная клетка поднимается чаще. Дышать тяже-

ло. Все горит. Лицо, шея, грудь, низ живота — пожар, который не могу потушить, потому что он не снаружи, а внутри.

Охранник открывает дверь машины. Забираюсь внутрь, пальцы дрожат, когда касаюсь ручки. Сажусь на заднее сиденье, прижимаюсь спиной к коже. Холодно, но внутри все равно жарко.

— Все нормально? — спрашивает охранник с переднего сиденья. Смотрит в зеркало заднего вида.

— Нормально, — выдавливаю. — Просто... перегрелась. Хмыкает, но ничего не говорит.

Сжимаю колени вместе, сжимаю пальцы в кулаки, впиваюсь ногтями в ладони. Боль помогает.

Мартин идет к машине. Рубашка расстегнута, волосы мокрые, на лбу прилипла прядь. Садится рядом. Пахнет морем, потом и тем самым парфюмом, который я ненавижу за то, что нравится.

— Трогай.

Машина едет. А я сижу, смотрю в окно, и внутри горит.

Глава 3

Машина останавливается около дома. Выскакиваю первой. Иду быстро, почти бегом, только бы не смотреть на него, только бы не думать о том, что сейчас творится внутри.

— Камила, — раздается голос Мартина.

Замираю. Сердце порхает, и надеюсь, что в темноте не видно, как дрожат руки.

— Да?

Мартин смотрит. Остановился в трех шагах, руки в карманах брюк, рубашка расстегнута, на груди блестит вода в свете уличных фонарей.

Ты его заставила попотеть, Камила.

Да...

— Мне надо будет уехать, — говорит. Голос ровный, спокойный, как будто не лез в море. — Не делай глупостей.

Куда это он? Без меня?

Брови хмурятся — сама не замечаю, как это происходит. Всего на миллиметр.

— Не собиралась.

Мартин кивает. Проходит мимо меня — плечо почти касается моего, и я чувствую запах моря и его кожи. Иду за ним. Как привязанная. Смотрю на спину, на плечи, на то, как мокрая рубашка прилипла к лопаткам. Опускаю взгляд ниже.

Задница. Обтянутая тканью брюк, которые он застегивал мокрыми пальцами.

В глазах снова картинки. Как пуговица входит в петлю. Как он дергает молнию. Как вода стекает по животу.

Спотыкаюсь о ровном месте. Хватаюсь за перила, чтобы не упасть. Мартин не оборачивается.

— С тобой все в порядке?

— В полном, — отвечаю. Голос предательски звенит. — Просто год в подвале...

Открывает дверь. Пропускает вперед. Я прохожу мимо и чувствую взгляд на затылке.

Не оборачиваюсь. Потому что если обернусь, сделаю то, что уже не объяснишь ни усталостью, ни глупостью, ни годом в подвале.

Поднимаюсь по лестнице. Слышу, как идет следом. Останавливается у первой двери, я — у второй. Захожу в комнату. Закрываю дверь. Прислоняюсь лбом к холодному дереву.

Беру одежду и быстро иду в ванную. Нужно выбросить это все из головы, смыть с себя, забыть. Ноги дрожат.

Захожу, закрываю дверь на щеколду. Прислоняюсь спиной к двери на секунду. Слышу, как бьется сердце — в ушах, в висках, в кончиках пальцев.

Раздеваюсь. Захожу в душ. Включаю воду. Сначала ледяная — дыхание перехватывает, тело покрывается мурашками. Стою, жду, пока пойдет теплая. Смотрю, как песок смывается с ног, кружит по сливу.

Дышу.

Вода нагревается, пар заполняет кабину. Закрываю глаза, подставляю лицо под струю. Вода течет по волосам, по шее, по груди, по животу. Смывает соль, но не смывает то, что внутри.

Перед глазами снова Мартин. Как застегивает брюки. Как перехватывает за талию. Как дышит тяжело, когда стоим в воде.

Открываю глаза. Смотрю на свои руки. Дрожат.

Беру гель — пахнет кокосом, нейтрально, сладко. Намываю тело, жестко, будто тру грязь. Но грязь не снаружи.

Плечи постепенно опускаются. Жар в животе утихает, превращается в тупую, ноющую тяжесть.

Стою под водой, пока не начинает остывать. Выключаю. Стою минуту, слушая, как капли падают на кафель. Выхожу. Заворачиваюсь в полотенце. Смотрю на себя в зеркало — глаза блестят, щеки розовые, губы припухли от того, что их кусала.

— Успокойся, — говорю отражению.

Обхватила кружку ладонями — горячо, почти невыносимо, но не убираю руки. Мартин проходит мимо кухни. Вижу краем глаза, но поворачиваться не хочу.

Бежевый костюм-тройка с жилеткой, белая рубашка, застегнутая на все пуговицы. Волосы уложены, ни одной мок-

рой пряди, как будто того, что было на пляже, не случилось. От него доносится запах парфюма — сладкий. Вдыхаю жадно, даже не заметив, как повернула голову.

— Боже... — шепчу, провожу рукой по лицу, закрываю глаза на секунду.

Встаю быстро — кружка едва не падает, чай расплескивается на стол. Подхожу к окну, смотрю на улицу. Мартин выходит из дома, на ходу достает сигарету, прикуривает. Затягивается один раз, выбрасывает окурочок в урну у ворот. Садится в машину. За ним трогается еще одна машина.

Смотрю, как выезжают за ворота, как хвост машины исчезает за поворотом. Остаюсь одна в его доме.

Зайди к нему в комнату, Камила.

Сердце замирает. Задерживаю дыхание, будто может услышать мысли из машины.

Зайди к нему в комнату.

— Заткнись, — шепчу, но ноги уже несут к выходу из кухни.

Прохожу коридор, поднимаюсь по лестнице. Пальцы скользят по перилам, ладонь влажная. На втором этаже останавливаюсь. Иду медленно. Каждый шаг отдается в ушах глухим стуком. Останавливаюсь перед дверью. Кладу ладонь на ручку. Металл холодный, гладкий.

Захожу в комнату. Она в светлых коричневых тонах — стены, мебель, плотные шторы на окнах. Кровать огромная, застелена идеально, ни складки. На тумбочке пусто, только

бутылка воды и книга в твердом переплете. Все строго, чисто, без лишнего. Как он сам.

Подойди к его...

— Замолчи...

Подойди к гардеробной!

Смотрю на дверь в торце комнаты. Темное дерево, матовая ручка. Ноги идут сами, даже не сопротивляюсь. Отодвигаю дверь в сторону — скользит легко, бесшумно.

Я в его гардеробной.

Здесь просто пахнет им. Не парфюмом — им. Запах острее, глубже, без сладких ноток. Кожа, дерево, табак, сладость, отчего губы начинают дрожать, а в груди становится тесно.

Включаю свет — лампы загораются мягко, приглушенно. Закрываю за собой дверь. Гардеробная большая. Ряды пиджаков на плечиках, рубашки по цветам — белые, голубые, серые. На полках свернуты свитера. Обувь внизу, каждая пара в своем отделении. Все на своих местах, ни пылинки.

Провожу пальцами по рукаву пиджака. Ткань мягкая, дорогая. Подношу руку к лицу.

Закрываю глаза. Стою посреди вещей, в тишине, и чувствую, как все, что пыталась смыть в душе, возвращается — сильнее, горячее, невыносимее.

Открываю глаза. Передо мной полка с футболками. Простые, хлопковые, сложенные стопкой. Протягиваю руку. Останавливаюсь.

— Что ты делаешь, — шепчу.

Рука не убирается.

Глаза цепляются за отделение с нижним бельем. Закрываю рот рукой, будто это может остановить то, что происходит. Но вторая рука уже тянется к боксерам серого цвета с белой резинкой.

Пальцы касаются ткани. Она мягкая, тонкая, почти невесомая. Как в трансе подношу к лицу. Нюхаю. Запах — его, чистый, без парфюма, просто он. Дурманит так, что в голове темнеет, колени подгибаются.

Прячу под свою футболку. Ткань касается живота, и меня всю передергивает — от стыда, от возбуждения, от того, что я это делаю.

Да ты пошлачка, Камила. И что же ты будешь с ними делать?

— Не знаю, — шепчу, голос срывается.

Выключаю свет. Гардеробная погружается в темноту. Вылетаю оттуда, как вор, как дура, как сумасшедшая. Прохожу через комнату, не глядя по сторонам, только бы не задержаться, только бы не начать рыться дальше.

Сердце колотится так, что, кажется, стены сотрясаются. Иду в свою комнату. Ткань под футболкой жжет кожу, напоминает о себе с каждым шагом.

Захожу к себе. Прислоняюсь спиной к двери. Дышу ртом, как после бега. Достая из-под футболки. Смотрю на серую ткань в своих руках. Пальцы дрожат. Понимаю, что сделала.

Понимаю, что не отдам.

Иду к кровати. Кладу под подушку. Ложусь сверху, закрываю глаза.

Просыпаюсь от того, что скрипит дверь. Открываю глаза — дверь приоткрыта, свет из коридора падает на пол широкой полосой, делая силуэт мужчины темным, черным, безликим.

Приподнимаюсь на локтях. Моргаю. Сердце начинает дрожать — мелко, часто, заставляет сжиматься все тело. Неужели спалили...

— Мартин?

— Ты уже во мне босса видишь, — раздается голос Эльдо.

Судорожно выдыхаю. Плечи опускаются, пальцы разжимаются на одеяле. Даже не заметила, как вцепилась.

— Что такое? — спрашиваю, ложусь обратно, смотрю в потолок. — Я спала...

— Я пришел проверить, как ты тут. А то видел тебя в последний раз, как босс уехал. Думал, сбежала. — делает паузу, опирается плечом о косяк. — А нет. Верная сучка.

— Я очень верная сука.

— Ладно тогда, спи. Не буду мешать.

Эльдо собирается уходить, уже почти закрыл дверь, но останавливается. Стоит спиной ко мне, рука на ручке.

— Босс скоро приедет.

Выходит. Дверь закрывается с тихим щелчком. Я сажусь на кровати. Тру глаза — сон не уходит, но и не возвращается. Рука тянется под подушку. Пальцы нащупывают ткань, достают.

Смотрю на серые боксеры. В полумраке они кажутся черными. Живот тянет — уже не остро, не жжет. Теперь это тяжесть сладкая, тягучая, которая растекается по низу живота, по бедрам, по кончикам пальцев.

Я сжимаю ткань в кулаке. Смотрю на дверь. Слушаю, нет ли шагов в коридоре.

Тишина.

Кладу обратно под подушку. Ложусь. Закрываю глаза. Пальцы гладят край подушки, там, где под тканью спрятано то, что не должна была брать.

Смотрю, как Мартин идет по коридору. Выходит из тени, шагает нетвердо — чуть-чуть, едва заметно. Снимает жилетку на ходу, вешает на локоть. Идет к своей комнате. Останавливается. Поворачивается. Видит меня.

Замирает.

Ем его глазами. Он сейчас пьяненький — знаю эту плавность, эту расслабленность, которую пьяные принимают за трезвость. Глаза наверное красноваты. Зеленые глаза, красные от алкоголя. Кусаю губу. Закрываю дверь, чтобы не видеть.

Отхожу на шаг. Дверь открывается.

Мартин входит, не спрашивая. Включает свет. Осматривает. Сначала окно, потом шкаф, потом кровать.

Смотрит хмуро. Вижу красные белки, капилляры, сеточку на зеленой радужке. От него пахнет виски — терпко, тяжело, парфюмом и табаком. Знакомый запах, но с другой нотой — острой, хмельной, опасной.

— Что? — спрашиваю. Облизываю губы — сухие, губы горят.

Он меня провоцирует!

— Смотрел, не натворила ли чего.

Голос ниже обычного, с хрипотцой. Смотрит не отводя взгляда.

Кроме того, как украла твои трусы, нет.

— Нет.

Мартин стоит. Чувствую, как затылок покрывается холодным потом. Подбородок поднят, спина прямая, но внутри все сжалось, замерло, ждет.

Разворачивается. Дверь закрывается. Слышу, как он идет по коридору, как открывается дверь. Слышу, как она закрывается. Только тогда выдыхаю.

Сажусь на кровать. Рука тянется к подушке. Останавливаю другой рукой. Сжимаю запястье, смотрю на свои пальцы.

Грохот такой, что вздрагиваю всем телом. Что-то тяжелое рухнуло, и звук прошел сквозь стены, сквозь пол, сквозь меня. Вылетаю из комнаты, даже не успев подумать. Из ком-

наты Мартина доносится глухое ворчание — низкое, неразборчивое, но явно недовольное.

Подхожу к двери с хмурым видом. Стучу — больше для приличия, чем из вежливости. Открываю.

Мартин стоит в одних трусах. Смотрит на свою кровать. Или на то, что от нее осталось. Одна ножка подломилась, матрас съехал набок, простыни сбились в ком. Закрываю рот рукой, чтобы не засмеяться, но плечи уже трясутся.

Мартин проводит рукой по лицу — медленно, устало. Засматриваюсь на спину, на мышцы под кожей, на то, как двигаются лопатки, когда он дышит.

— Твою мать...

— Мартин, все в порядке? — спрашиваю. Имею в виду не кровать.

— Да, — отвечает коротко.

Уходит в гардеробную. Остаюсь в дверях, смотрю на сломанную кровать, на скомканное белье. Пытаюсь представить, как он туда рухнул.

Выходит в пижамных штанах — серых, мягких, на низкой посадке. Не смотрит, а просто проходит мимо. Отхожу от двери.

— Эльдо, — слышу, как зовет. Голос уже другой — трезвый, жесткий. Спускается вниз.

В серых пижамных штанах, босиком, после того как разнес кровать, он идет отдавать распоряжения. И выглядит так, будто это нормально.

Провожу языком по губам. Возвращаюсь в свою комнату. Ложусь на кровать. Смотрю в потолок. Пытаюсь не думать о том, как он стоял в трусах.

Глава 4

Сажу в его кабинете. На столе карта Валенсии — разложена, придавлена по углам кружкой с остывшим кофе и серебряной пепельницей.

Мартин в кресле напротив, откинулся на спинку, руки на подлокотниках. В руках у меня фломастер — красный, чернила пахнут спиртом.

Солнце светит сквозь шторы, режет полосу света поперек стола, по карте, по его пальцам.

— Вот тут, — черчу круг, обвожу район у порта, склады, старые ангары. — Была мини-штаб-квартира. Ее давно никто не использовал.

Мартин смотрит на карту. Слежу за лицом — скулы, челюсть, уголки губ.

— А вот тут, — черчу второй круг, западнее, там, где узкие улицы и бары до утра. — Был клуб. Держали шлюх для солдат.

Молчит. Пальцы барабанят по подлокотнику — коротко, один раз, и замирают.

— Это все, что помнишь?

— Пока что да.

Чувствую, как язык тяжелеет, как фломастер в пальцах становится скользким от пота. Если расскажу все сразу — он меня отпустит или убьет. А я хочу быть рядом.

— Нужно еще напрячь извилины, — говорю, кручу фломастер в руках, смотрю на красные круги на карте. — И тогда вспомню.

Мартин поднимает глаза.

— Времени у нас много.

Улыбаюсь. Откладываю фломастер, откидываюсь на спинку стула, скрещиваю ноги.

— Мартин, а ты всегда такой терпеливый?

Он не отвечает. Берет карту, складывает, убирает в ящик стола.

— Иди завтракать.

Встаю. Иду к двери. Останавливаюсь, оборачиваюсь. Мартин сидит, смотрит в окно, на полосы света от штор. Профиль четкий, спокойный. Только пальцы на подлокотнике сжаты.

— Ты со мной позавтракаешь?

— У меня дела.

— Дела подождут.

Мартин медленно поворачивает голову. Взгляд тяжелый, с хмельным остатком от вчерашнего.

— Иди, Камила.

Улыбаюсь шире. Закрываю дверь и прижимаюсь к ней спиной на секунду. Выдыхаю. В голове — красные круги на карте. И лицо, когда смотрел на меня.

Знает, что я вру. Я почти уверена.

Телевизор играл на низкой громкости — какой-то сериал, мелькали лица, я не смотрела. Взгляд блуждал по стенам гостиной, по картинам, по фотографиям в рамках на каминной полке. Остановился на одной.

Мужчина, женщина и мальчик. Поняла, что это Мартин. На фото лет пятнадцать — лицо пустое, смотрит холодно, будто фотограф попросил улыбнуться, а он не понял.

— Босс! Амадо Баскес приехал.

Амадо Баскес.

Тот, к кому приезжала Сара точно так же — под предлогом «задание». Замираю, ноги вросли в пол.

Вижу, как мимо гостиной проходит мужчина. Разноцветные глаза посмотрели на меня — один голубой, другой карий, разница заметная даже издали. Улыбка акуля обнажила ровные белые зубы. Он остановился, посмотрел куда-то назад, на входную дверь, потом снова на меня.

— Мартин, ты мне не говорил, что у тебя тут девушка живет, — раздаётся его голос, веселый, с ноткой острого.

Слышу, как хлопает дверь кабинета. Мартин идет быстро — различаю шаги среди всех. Заходит в гостиную, встает между мной и Амадо.

— Амадо, ты не говорил, что приедешь, — отчеканивает Мартин. Голос ровный, но чувствую напряжение в каждом слове.

— Я в гости, — говорит Амадо, сверля взглядом поверх

плеча Мартина.

— Амадо!

Женский голос. От него у меня перехватывает дыхание. Узнаю его, даже если буду глухой, даже если забуду все на свете.

Шум шагов. Всхлипывание — короткое, сдержанное. В дверях гостиной появляется Сара.

На руках у нее ребенок. Месяцев пять, мальчик. Темные волосы, щеки круглые, спит, прижавшись к ее плечу.

Мы замираем вместе, в одном дыхании, в одной секунде, которая растягивается в вечность. На ее лице сначала недоверие. Потом слезы — без звука, просто потекли по щекам.

Я не плачу. Стою у стены, вцепившись пальцами в собственные локти, и смотрю на нее. На ребенка.

Амадо переводит взгляд с меня на Сару, с Сары на Мартина. Улыбка сползла, осталась только внимательная, острая тишина.

— Ты знакома с моей женщиной?

Ребенок шевелится во сне, причмокивает губами — тихо, по-детски, и этот звук в натянутой тишине кажется неестественно громким.

— Камила, — шепчет.

Губы отказываются двигаться. Я смотрю на нее и не могу поверить глазам. Мне сказали, что она умерла. Поэтому меня прислали. Поэтому я поехала. Поэтому сидела год в подвале, считая дни по ударам сердца.

А она жива. Так еще и родила.

— Что происходит, Астра? — спрашивает Амадо. — Мартин?

Астра? Прозвище? Кличка? Новое имя?

Сара — Астра, кто бы она ни была — отдает ребенка Амадо. Тот берет мальчика.

Сара идет ко мне. Обнимает так, что ребра сдавливает, дыхание перехватывает. Ее плечи трясутся, я чувствую, как слезы падают на шею, горячие, частые.

Стою, смотрю в одну точку — на ребенка в руках Амадо, на его маленькие кулачки, на пухлые щеки.

— Ты жива, — говорю.

— Жива, — шепчет в плечо.

— Мне сказали... — начинаю, но не заканчиваю. Горло сжимается, слова застревают в груди, не могут вырваться.

Сара отстраняется. Вытирает слезы тыльной стороной ладони, быстро, будто стыдится их.

— А ты как тут?

— Мне кто-то что-то объяснит? — Амадо хмурится, перекладывает ребенка на другое плечо, придерживает затылок ладонью. Мальчик не просыпается, только хмурит брови во сне, как отец.

Мартин смотрит в пол. Руки в карманах брюк, плечи напряжены, челюсть сжата.

— Камила приехала год назад. Убить Валерию. — Голос ровный. — Ну, то же самое, что и Сара приехала к тебе, Ама-

до.

— Год назад? — Сара поворачивается резко, волосы летят за плечо. В глазах непонимание, ужас.

— Я приехала в августе, — решаюсь начать. Смотрю на нее, не на Мартина, не на Амадо. — И Мартин словил меня...

— И где ты была все это время?

— В подвале.

Сара смотрит на меня. Амадо поднимает брови, переводит взгляд на Мартина. Ребенок на его руках вздыхает во сне, и этот звук — единственный живой в комнате.

Тишина.

Мартин не поднимает головы. Сара закрывает рот рукой, смотрит на Мартина, потом на меня, потом снова на Мартина.

— В подвале? — голос срывается на шепот. — Год?

— Почти, — поправляю. — Где-то одиннадцать месяцев.

Амадо присвистнул. Коротко, протяжно, с той ленцой, с которой мужчины реагируют на чужие нелепые истории.

— Ну, Мартин... Ну даешь...

Сара смотрит на меня. В глазах стоят слезы, но теперь к ним добавляется жалость, вина, неловкость.

Я не хочу это видеть.

— Давай не будем... Давай как-то потом, — шепчу. Отмахиваюсь, будто это не год в подвале, а просто дождь, под который я попала без зонта. — Я рада, что ты жива!

Голос выходит громче, чем я хотела. Я обнимаю ее — рывком, крепко, чтобы не видела лица.

— Я уже думала, что ты умерла, а ты тут родила... — Отстраняюсь, смотрю на ребенка. Маленький, спокойный, сжимает кулачки у груди Амадо. — Подержу?

Уже делаю шаг к нему, протягиваю руки. Амадо отступает на полшага, закрывая ребенка собой. Бровь поднимается — едва заметно. Разноцветные глаза впиваются, готовые убить.

— Амадо, — говорит Сара напряженно.

Тот смотрит на нее. Вдыхает, цокает языком. Протягивает ребенка.

Беру мальчика в руки. Легкий, теплый, пахнет молоком и детским кремом. Личико спокойное, бровки темные, ресницы длинные. Смотрю на него и сердце сжимается.

— Как зовут?

— Альваро.

Киваю. Красивое имя.

Поворачиваюсь, чтобы Сара видела. Поддерживаю голову, не трясую, одна рука под попой, вторая на спинке. Ребенок смотрит на меня мутным сонным взглядом, щурится на свет, морщит нос. Потом закрывает глаза, снова засыпает, доверчиво прижимаясь щекой к моему плечу.

Сара улыбается. Смотрит на меня, на Альваро, на то, как держу, и в глазах — облегчение. Будто боялась, что я брошу его об пол.

— Ты хорошо держишь.

— Практики много не было, но инстинкты.

Сара смеется. Смотрю на Амадо, который стоит рядом, готовый в любой момент выхватить сына обратно.

Ковер мягкий, ворс длинный, приятный. Альваро лежит на спине, под ним плед. Дрыгает руками и ногами одновременно, как маленький жук, перевернутый на панцирь. Играю с ним — подношу палец, он хватает, сжимает неожиданно сильно.

— Как ты, Камила? — шепчет Сара. Сидит рядом, поджав ноги.

— Лучше некуда, — пожимаю плечами, глажу Альваро по животу. Тот улыбается беззубым ртом, и эта улыбка — самое чистое, что видела за последний год.

— Как Мартин относится?

— Хорошо.

Смотрю на нее.

— Я трусы у него украла.

Сара прыскает. Прикрывает рот рукой, плечи трясутся.

— Скажешь тоже.

Сара смеется, пока не видит мое лицо. Глаза распахиваются.

— Что ты сделала? Камила... Ты рехнулась?

— А что мне нельзя? Я тоже женщина. У меня тоже есть потребности.

— В трусах?!

— Да тише ты! — шикаю, кошусь в сторону двери. — В мужчинах... А Мартин... — замолкаю, потому что в голове снова картинка: он застегивает брюки мокрыми пальцами, пуговица входит в петлю, вода стекает по животу. — Мартин чертовски сексуальный мужчина...

Сара смотрит на меня. Сначала с ужасом, потом медленно расплывается в улыбке.

Глажу Альваро по голове — волосики мягкие, пуховые. Хватает мой палец, тащит в рот, десны твердые, но не больно.

— Ты сошла с ума.

— В мафии нет людей с умом. И ты прекрасно это знаешь.

Шаги в коридоре. В гостиную возвращаются Амадо и Мартин. Альваро видит отца — визжит, смеется, тянет руки, дрыгается всем телом так, что я едва удерживаю.

Амадо подходит, забирает сына. Улыбается — не той акульей улыбкой, которую показывал мне, а мягкой, домашней.

— Астра, поехали домой. Потом еще встретитесь.

Сара кивает. Поднимается, поправляет джинсы, волосы за ухо. Встаю следом.

— Если что, приезжай к нам, — говорит Сара, обнимая. — Мне скучно порой бывает. Ведь кто-то занят работой, — зыркает на Амадо, но тот делает вид, что не слышит, возится с Альваро. — В общем, приезжай.

Обнимаю в ответ, чувствую, как та пахнет теми же духа-

ми, что и год назад или кажется.

— Я не занят, — бросает Амадо, уже выходя из гостиной. Сара бежит за ним, чуть не спотыкаясь о край ковра.

— Занят. Постоянно в кабинете.

— Астра.

Та пинает сзади — по-детски, не больно. Амадо фыркает, перехватывает Альваро поудобнее, и они скрываются за дверью.

Остаюсь стоять в гостиной. Смотрю на пустую дверь.

Мартин стоит у окна. Чувствую его взгляд. Поворачиваюсь. Прохожу мимо. Останавливаюсь у двери, оборачиваюсь.

Мартин просто кивает. Конечно, он знал. Амадо Баскес — второй из пяти мафиозных боссов Барселоны. Они в одной цепи, одни переговоры, одни интересы.

Сжимаю челюсть, чувствую, как желваки заходили под кожей. Кусаю губу — до боли, до металлического привкуса.

Чувствую запах Мартина.

— А почему она не знала, что я жива?

Голос выходит ровнее, чем я ожидала.

— Иначе бы Сара начала выносить мозги Амадо о том, чтобы я тебя выпустил. — Мартин говорит спокойно, без оправданий. — А ты мне на тот момент ничего и не рассказывала.

Вспоминаю. Четыре месяца молчания.

Я лежала на койке в подвале, смотрела в потолок, пересчитывала трещины, отворачивалась к стене, когда спускал-

ся. Отгрызалась. Язвила. И ни слова о Саморано, о портах, о клубах, о картах.

Молча выхожу из гостиной. Иду к лестнице, ступени встречают глухим стуком. Второй этаж, коридор, моя комната.

Захожу, закрываю дверь. Не прислоняюсь, не падаю на кровать. Стою посреди комнаты, смотрю на подушку.

— Четыре месяца...

Пальцы сжимаются, разжимаются. Вспоминаю каждое появление в подвале. Свет из коридора падает на бетонный пол, его силуэт в дверях, голос: «Камила, поговорим». И мой ответ — всегда «иди к черту».

Подхожу к окну. Смотрю, как отъезжают машины Амадо.

Мартин не убил меня, когда мог. Не отдал, когда другие на его месте давно бы перерезали горло пленнице, которая полгода не говорит ни слова.

Закрываю глаза. Вижу его лицо в дверях подвала. Открываю глаза. Смотрю на свою руку — на подушечки пальцев, которыми гладила Альваро. Потом на подушку.

Иду к кровати. Сажусь. Вытаскиваю из-под подушки серую ткань, сжимаю в кулаке.

Глава 5

Шла по коридору. Дверь в кладовку была открыта — приоткрыта, щель в ладонь, будто забыли закрыть. Остановилась, заглянула внутрь.

Веревки на крючках, мотки, тонкие и толстые. Палки какие-то, деревянные, гладкие. Скотч — широкий, серый, на отдельной полке. Все разложено аккуратно.

Знаешь, что делать с ними? У тебя же уже мысль созрела... Хочешь его подчинить? Хочешь отомстить за год подвала?

— Замолчи...

Камила, возьми веревки... свяжи его...

Рука тянется сама. Пальцы выбирают веревку, которая лежит в самом низу — толстую, плетеную, белесую. На ощупь жесткая, но не колючая.

Возьми скотч, Камила...

Взяла скотч. Широкий рулон, тяжелый, край чуть отклеился. Прижимаю к груди, оглядываюсь на коридор — пусто.

Побежала к себе. Шаги глухие, сердце дрожит, веревка прижата локтем, скотч — подмышкой. Забегаю в комнату, закрываю дверь ногой, прислоняюсь спиной, тяжело дышу.

Бросила все на пол. Сажусь рядом, смотрю на веревку, на скотч.

Только представь... Он лежит на этой кровати, связан-

ный... *В твоей власти.*

Колени плотно, бедра вместе, будто это может остановить то, что творится в голове.

Какая ты пошлая, Камила.

Рука заталкивает веревку и скотч под кровать. Глубоко, в самый угол, чтобы не было видно, даже если наклониться.

Дверь открывается без стука. Я выпрямляюсь, сажусь на край кровати, складываю руки на коленях — нормально, спокойно, как будто ничего не случилось.

Мартин останавливается в дверях, смотрит на меня. Проверяет комнату взглядом — быстро, профессионально.

— Собирайся.

— Куда?

— Пора посмотреть, не потеряла ли ты форму.

— Зачем?

Плевать, зачем. Хочу с ним. Куда угодно, хоть на стрельбище, хоть в подвал обратно, лишь бы рядом.

— Потому что скоро будет вечер. Посмотришь на людей. Может, увидишь знакомые лица.

Встала. Хочет использовать меня как агента. Это должно бесить. Но внутри — только пульс быстрее, только сухость во рту.

— На случай опасности, чтобы могла дать отпор, — добавил. — Поэтому сдоберись, возьми шорты и топик, и выходи на улицу.

Разворачивается. Дверь оставляет открытой. Стояла,

смотрела на пустой проем. Потом медленно перевела взгляд на кровать, под которую только что спрятала веревку.

— Шорты и топик, — повторила вслух. — Да, босс.

Несколько человек занимаются — груша, штанга, лапы. Завидев Мартина, кивают, коротко, без лишнего. Он идет в майке и шортах, и я наконец-то могу вдоволь потрахать его глазами.

Уже «потрахать», Камила? Какая же ты...

— Мне бы размяться, — перебиваю голос в голове, пока он не разошелся. — Только физический осмотр? Или еще оружие?

Мартин поворачивается ко мне. Майка сидит на нем так, что вижу плечи, ключицы, край татуировки, выглядывающей из-за ткани на левом плече. Шорты ниже колена, но когда движется, думаю о том, что под ними.

— Разминайся. Потом посмотрим.

Отходит к скамье, садится, берет бутылку воды. Будет смотреть.

Выхожу на центр мата. Чувствую взгляды остальных — двое парней замедлились, поглядывают.

Плевать.

Начинаю с шеи. Медленно, наклоняю голову, чувствую, как хрустят позвонки. Потом плечи, руки, тянусь вверх, прогибаю спину. Топик задирается, открывая полосу живота. Я

не поправляю.

Мартин пьет воду. Наблюдает.

Перехожу к ногам. Ставлю широко, тянусь к полу — ладони ложатся ровно, гнусь легко, тело помнит. Выпрямляюсь, делаю выпад, прогибаюсь в спине, чувствую, как напрягаются мышцы бедер. Шорты короткие, и я знаю, что он видит.

Поворачиваюсь к нему лицом. Делаю глубокий присед, медленно поднимаюсь, смотрю прямо на него.

Ставит бутылку. Сцепил руки на коленях.

— Достаточно. Иди сюда.

Останавливаюсь в шаге. Чувствую взгляд — на лице, на шее, на том, как топик прилип к груди.

— Будешь проверять реакцию?

— Буду.

Теперь мы друг напротив друга. Мартин выше, шире в плечах, и чувствую это каждой клеткой — тепло, дыхание, напряжение, которое висит между нами.

— На ринг, — переводит взгляд в сторону, где стоит боксерский ринг в углу зала, и идет туда.

Рука дергается сама — пальцы почти касаются его спины, проводят по воздуху там, где должна быть ткань майки. Бью себя по ноге, чтобы остановиться. Мартин косится на меня. Улыбаюсь — широко, нагло, не прячу.

Залезаем на ринг. Канаты пружинят под руками, настил упругий, пахнет резиной и чужим потом. Мартин встает в центре, ноги на ширине плеч, руки опущены. Расслаблен-

ный. Слишком расслабленный для человека, который собирается проверять мою форму.

— Нападай.

Рывок, шаг вперед, корпус низко — удар в корпус. Мартин уходит, легко, плавно, даже не напрягаясь. Ладонь скользит по его ребрам, не встречая цели.

Разворачиваюсь, бью ногой — низко, в бедро, чтобы сбить равновесие.

Мартин принимает удар на ногу, даже не качнулся.

Ближний бой.

Вхожу в клинч, слишком близко, чтобы он мог ударить, — грудь к груди, лицо у его шеи. Пахнет парфюмом, кожей. Руки ложатся мне на плечи — не толкают, просто держат.

— Дерешься, как пьяная.

— Я трезвая, — выдыхаю в ключицу.

Рывком выхожу из клинча, бью локтем — он блокирует предплечьем, и чувствую кость через руку. Больно.

Меняю ногу, ухожу в сторону, захожу за спину. Пытаюсь захватить руку — тот разворачивается, перехватывает запястье, крутит, и оказываюсь прижата спиной к груди. Рука заведена за спину, вторая прижата ладонью к животу.

Дышу тяжело. Он — ровно.

Это бесит.

Это заводит.

Поднимаю ногу, бью по бедцу — резко, без предупреждения. Мартин отталкивает, но уже ринулась снова, бью по той

же ноге, делаю подсечку. Мартин теряет равновесие и мы падаем.

Настил глухо принимает его спину. Я сверху.

Дыхание рваное. Сажу на нем верхом, бедра сжимают талию, ладони упираются в мат по бокам от его головы. Волосы упали на лицо.

Представь, что он в веревках на кровати...

Картинка перед глазами — такая яркая, что кровь приливает к щекам, к шее, ниже.

Мартин смотрит снизу вверх. Взгляд спокойный, только зрачки расширены.

— Вставать собираешься?

— Нет, — качаю головой. Улыбнулась.

Мартин переворачивается — резко, рывком, но обхватываю ногами крепче, прижимаюсь бедрам. Замирает. Вижу, как дернулись брови — хотел нахмуриться, но лицо осталось спокойным.

— Камила...

Облизываю губы. Улыбаюсь в лицо. Пытаюсь убрать ноги — руки ложатся мне на бедра, пальцы впиваются. Сжимаю сильнее, чувствую ладони, горячие даже через ткань шорт.

Мартин щипает меня — коротко, больно, по внутренней стороне бедра. Рефлекторно дергаюсь, ноги разжимаются, он отталкивает и откатывается в сторону.

Остаюсь на мате. Лежу на спине, смотрю в потолок, дышу ртом. Мартин поднимается. Стоит надо мной, заслоняет

свет.

— Вставай, — говорит. Голос низкий, с хрипотцой. — Разминка окончена.

Протягивает руку. Берусь. Он тянет — рывком, ставит на ноги.

— Оружие. Идем.

Разворачивается. Провожу языком по губам.

Заходим в тир. Оружие разложено на длинном столе — автоматы, пистолеты, ножи в открытых кейсах. Впереди мишени, бумажные силуэты на рельсах, ждут. Глаза загораются.

Провожу пальцами по холодному металлу, по прикладам, по лезвиям.

Беру наушники, надеваю на голову — мир сжимается до глухого ритма собственного сердца. Беру пистолет. Знакомый вес, удобная рукоятка. Проверяю магазин, досылаю патрон, передергиваю затвор. Встаю в стойку.

Начинаю стрелять.

Первый выстрел — в грудь. Второй — в голову. Третий, четвертый, пятый — центр, центр, центр. Кровь бурлит, пальцы помнят, тело помнит. Год в подвале не стер то, что вбивали с детства.

Пистолет уходит на стол. Беру автомат. Тяжелее, длиннее, привыкаю за секунду. Очередь — короткая, контролируе-

мая. Мишень дробит в центре, бумажные края мотаются.

Затем резко разворачиваюсь к Мартину. Навожу ствол ему в грудь.

Тот стоит спокойно. На голове наушники, глаза смотрят на меня сквозь тишину.

Улыбаюсь. Убираю автомат на стол. Снимаю наушники, вешаю на шею. Перевожу взгляд на мишени — силуэты из-решечены, центр выбит почти полностью.

— Ну как?

— Сносно, — отвечает сухо. Снимает наушники, подходит ближе к мишеням, разглядывает. Оборачивается, смотрит на стол, на следы пальцев на оружии, на меня.

Встаю так, что между нами ничего нет.

— Даже не поцелуешь? — спрашиваю, смотрю на губы. Потом в глаза. Потом на всего него, на то, как стоит, как дышит, как майка облегает грудь. — Награда. Стимул. Я буду очень хорошей.

Мартин смотрит на меня. Лицо не читается. В глазах — то ли лед, то ли пламя подо льдом.

— Хорошей для кого?

Сердце скулит, как загнанный зверь, колотится о ребра. Делает шаг — всего один, и теперь в полуметре.

— Тебе нужен стимул, Камила?

Ноздри раздуваются, воздух рваный, горячий. Хочу наброситься на него — уже делаю шаг, пальцы сжимаются в кулаки, чтобы не схватить за майку, не притянуть к себе, не

вжаться всем телом.

— Хорошим не нужен стимул, — отчеканивает, отступает назад, и пространство между нами становится холодным, пустым, невозможным. — Пошли. Надо поужинать.

Разворачивается. Идет к выходу из тира. Руки в карманах шорт, плечи расслаблены, шаг ровный. Как будто ничего не произошло. Как будто он не стоял в полуметре, не смотрел на губы, не дышал тем же воздухом, что и я.

— Мартин, — зову.

Останавливается. Подхожу вплотную.

— Я буду хорошей, — говорю тихо. — Но стимул все равно нужен.

Медленно поворачивает голову.

— Посмотрим.

— Посмотрим, — повторяю шепотом. Усмехаюсь.

Иду за ним. Быстро, чтобы догнать. Поравнялась, иду плечом к плечу.

— Я хочу пасту, — говорю. — С морепродуктами.

— Закажешь.

Смотрю вперед, но краем глаза вижу его руку, болтающуюся вдоль тела. Сжимаю свою в кулак, чтобы не взять за пальцы.

Вытираю губы салфеткой после пасты с морепродуктами. Допиваю вино — последний глоток, теплый, терпкий. Мар-

тин уже доел, сидит напротив, откинувшись на спинку стула. В пальцах сигарета. Не знаю, как разрешили курить в ресторане, хотя кто запретит.

— Почему ты такой молчаливый? — спрашиваю, отодвигаю бокал, поправляю волосы, чтобы занять руки. — Я думала, мафиозные боссы хоть и серьезные, но разговорчивые.

— О чем нам с тобой разговаривать?

— О нас.

Выпускает дым в сторону. Сигарета тлеет между пальцами.

— Камила, о каких «нас»? Никаких «нас» нет.

— Ты просто не хочешь этого признавать, — шепчу, смотря в глаза. Что у него в голове? Что он думает, когда смотрит на меня, когда стоит в полуметре, когда дышит так же тяжело, как я? Хочу его обнять, прижать к себе, вдохнуть этот запах, который уже въелся в легкие.

Мартин вздыхает тяжело. Проводит рукой по лицу — от лба до подбородка, будто стирает усталость, которая не стирается.

— Ты мог бы меня поцеловать, и я бы отстала от тебя... на время.

Тушит сигарету. Встает.

— Поехали.

Поднимаюсь следом, поправляю топик, который за тренировку уже не сидит так идеально. Иду за ним через зал ресторана, мимо официантов, мимо столиков, где люди прово-

жают нас взглядами.

Смотрю на руку. Расслаблена, болтается вдоль тела. Смотрю на свою. Отделяю мизинец — предательский палец, который тянется к нему.

Так делал опекун со мной маленькой. Шли по улице, хватала за мизинец, а он держал в ответ.

Удерживаю себя. Сжимаю пальцы в кулак.

Мартин открывает дверь машины. Забираюсь внутрь, обходит, садится за руль. Заводит мотор. Смотрю на профиль в свете приборов. Перевожу взгляд в окно на огни Барселоны, но вижу только отражение Мартина в стекле.

Глава 6

Мартин отпивает кофе, ставит чашку на блюдце, убирает телефон в карман. Поднимаю голову.

— Что-то случилось? — спрашиваю, проглатывая кусок омлета, откладывая вилку.

— Мне просто интересно... — делает паузу, смотрит поверх чашки. — Ты даже не пытаешься сбежать.

Делаю глоток воды. Холодная, освежает. Знал бы он, почему я не убегаю. Знал бы, что лежит у меня под подушкой.

— А ты хочешь, чтобы я сбежала?

Мартин не отвечает.

— Только скажи, — понижаю голос до шепота, наклоняюсь чуть вперед. — И я побегу. Вдруг у тебя фетиши — играть в догонялки.

— Нет, — решает ответить. Голос ровный, скучный. — Мне неинтересно это.

Улыбаюсь обнажая зубы.

Ты собираешься его связывать, Камила? Представь просто: как он лежит, связанный, и ничего не может сделать.

Свожу ноги под столом. Низ живота тянет — сладко, тягуче, до дрожи в коленях. Сжимаю пальцами край стола, чтобы не выдать себя.

Мартин смотрит на руки. Переводит взгляд на лицо.

— Плохо?

Качаю головой вместо ответа. Мне очень хорошо, твою мать. Так хорошо, что хочется залезть на стол, перемахнуть через тарелки, сесть сверху и не вставать.

Мартин смотрит на запястье, сверяясь с часами. Металл блестит, ремешок кожаный, дорогой. Поправляет — привычное движение, отточенное до автоматизма.

— Ты вспомнила?

— Пока что нет.

Вздыхает долго, устало, как человек, который повторяет одно и то же в сотый раз и знает, что ответ не изменится.

— Вспоминай, Камила. Времени меньше, чем ты думаешь.

— Ты меня держишь только из-за информации? — наклоняю голову вбок. Волосы падают на плечо, касаются ключицы.

— Да.

Кусаю губу внутри. Слишком быстро. Слишком гладко. Если бы он думал хотя бы секунду — я бы поверила. А так — нет. Врешь, Мартин Кортес.

— Тогда зачем ты кормишь меня завтраками?

— Ты нужна живой и здоровой. Пока не расскажешь все.

— А потом? — улыбаюсь. — Убьешь?

Зеленые глаза — холодные.

— Потом решим.

— Получается, в конце могу ожидать смерть, если ты решишь, — выдыхаю без эмоций.

— Возможно.

— Можешь отвечать нормально?

— Я нормально отвечаю.

Вздыхаю и откидываюсь на спинку стула. В окно видно, как охранники ходят по территории особняка — ровными парами, без лишних движений.

— Мог бы ответить более развернуто, — говорю. — Когда будет вечер?

— Через пару дней.

— То есть ты ведешь меня туда как наживку и одновременно как ангела-телохранителя.

— Да.

Провожу языком по зубам, брови сами сводятся в гримасу. Раздражение копится в желудке.

Свяжи его, Камила. Подчини себе...

— Между нами разговоры могут быть только о мафии? — Голос выходит тише.

Мартин поворачивает голову от окна. Делает глоток кофе, потом ставит кружку на стол.

— У тебя есть идеи для разговора?

Киваю. Пальцы крутят край скатерти.

— Какие?

— Допустим... когда последний раз отдыхал. Прямо отдыхал от поста босса. Ездил там куда-то.

Мартин задумывается. Смотрит в сторону, на шторы, на полосу света на полу. Вижу, как перебирает в голове месяцы,

годы.

— Лет пять назад. Был в Италии две недели.

— И все? — смешок выходит из горла. — Теперь понятно, почему ты такой зажатый. Убиваешь себя работой. Тебе бы отдохнуть, Мартин.

— Я не устал.

— Отдых нужен не только для того, чтобы снять усталость. Не обязательно отдыхать именно тогда, когда устал.

— Можно устать и от отдыха.

— Смотря с кем отдыхать. — чувствую, как внутри закипает злость, пальцы сжимают край стола. — Вот со мной не устанешь.

— Я не буду с тобой отдыхать.

Глаза сужаются. В груди становится тесно, будто сдавили ребра.

— Почему? Я противна тебе?

— Ты не на курорте, Камила. — голос ровный, режущий.
— Ты была пленницей год. И ею остаешься по сей день.

— Я не пленница.

Вижу, как дергается уголок губ, и это бесит.

— Не пленница? Я готов поспорить.

— Я больше не сижу в подвале, — выпаливаю быстро, голос срывается на высокую ноту. Легкие горят, хочется кричать. Хотела продолжить, но перебивает.

— Но ты не можешь уйти отсюда.

— Это не означает, что пленница. — смотрю прямо в гла-

за, губы дрожат. — Я хожу спокойно по дому. Разговариваю с тобой. Ем за одним столом. И помогаю тебе информацией.

Мартин вздыхает.

— Видишь. Между нами не может быть разговора. Ты слишком быстро заводишься. У тебя слишком много эмоций.

— Я не хочу быть ледышкой, как ты. Мне нравится быть красочной.

— Я не ледышка. Просто контролирую свои эмоции.

— При сексе тоже?

Слова входят, как пуля. Вижу, как замирает — даже дыхание останавливается. Мартин моргает, и в этом моргании читается растерянность, которую пытается спрятать.

— А... при чем тут секс? — брови приподнимаются, и это движение такое непривычное на лице, что почти улыбаюсь.

Камила, ты начинаешь поджигать солому...

— Просто спросила. Мне просто интересно... искажается ли твое лицо во время того, когда кончаешь, или оно и остается непроницаемым.

Шепчу. Под ребрами огонь.

— У тебя всегда не фильтруется язык, когда дело касается чужих границ? — выражение лица заставляет гадать.

— Нет... только с теми, у кого хочу это проверить, — отвечаю честно. Горло пересохло.

Мартин медленно встает. Стул скрипит по полу.

— Приляг спать, Камила. Сегодня ты сходишь с ума.

— Из-за тебя, Мартин, — встаю следом за ним. Край стола упирается мне в бедро, но не отодвигаюсь. — Эти мысли, этот голос не дают мне покоя.

Тот смотрит, бровь приподнята. Делаю шаг в его сторону, затем второй. Между нами меньше метра.

— Думаю, стоит вызвать тебе врача.

Смотрю в зеленые глаза, холодные, с красными капиллярами от недосыпа.

— Если можно излечить то, что внутри меня, я все равно бы не лечилась. У тебя классная задница, Кортес.

Мартин хотел закатить глаза — веко дернулось, но сдержался. Развернулся и пошел к выходу.

— Спасибо, что даешь посмотреть на нее еще раз, — говорю вслед.

Вышел из кухни.

Что же ты задумала, Камила?

Губы растягиваются в улыбку. Провожу пальцами по столешнице — там, где только что лежали его локти. Теплота сохранилась.

Рисовала на карте места, которые помнила. Саморано уже наверняка все поменяли, но старая информация все равно важна — если Мартин и остальные четыре босса узнают расположение старых точек, они смогут вычислить новые.

— А поцелуй будет? — спрашиваю, не отрываясь от кар-

ты. Обвожу красным один квартал. — Это стимул, помнишь?

— Камила, перестань.

— Так я тебе противна?

— Нет.

— Тогда почему не целуешь?

Мартин тяжело вздыхает — грудью, всем корпусом. Встает из-за стола, идет к бару, наливает себе виски. Янтарная жидкость плещется о стенки стакана.

— Игнорируешь.

— Ты слишком много говоришь. Нужно закрыть рот.

— Закрой рот поцелуем, — поднимаю голову от карты.

Мартин замирает с бокалом в руке, виски плещется на стенки. Смотрит на меня поверх карты. Взгляд тяжелый, прожигающий.

— Тебе не хватает чего-то?

Голос у него ровный, но замечаю, как пальцы сжимают стакан.

— Мужского тепла. Знаешь... после года в подвале хочется оказаться в хороших руках, чтобы забыться и почувствовать себя в безопасности.

Произношу это и чувствую, как внутри разливается жаркая волна стыда пополам с желанием. Живот снова тянет, пальцы холодеют.

— У меня нехорошие руки.

Улыбаюсь — наверное, слишком широко, потому что ску-

лы начинают ныть.

— Ты уже примеряешь мои слова на себя. — кусаю губу, сердце ускоряется. — Неужели ты и правда...

— Твои слова были поставлены так, — обрывает меня. Голос жесткий, но в глазах мелькает растерянность, которую не может скрыть.

Встаю медленно. Ноги ватные.

— Дорисовала? — Мартин ставит стакан на стол, берет карту, складывает пополам. — Свободна.

Остаюсь стоять. Смотрю на лицо — скулы, линию челюсти, морщинку между бровями, которую не замечает. Опускаю взгляд на руки — пальцы сжимают край карты. Перед глазами всплывает картинка: как застегивал брюки.

— Камила, свободна.

Разворачиваюсь и выхожу из кабинета. Ступени лестницы встречают глухим стуком — поднимаюсь, не глядя по сторонам, только вперед, в коридор, к своей комнате.

Захожу. На секунду замираю, прислонившись лбом к холодному дереву.

Подхожу к кровати. Сажусь на край, запускаю руку под подушку — пальцы нащупывают мягкую ткань, достаю. Смотрю на серые боксеры с белой резинкой. Внутри горит — жарко, тяжело, до мурашек на руках. Между ног зудит так, что приходится сжать бедра.

Прикладываю трусы к промежности — ткань мягкая, почти ласковая. Дрожащими пальцами срываю с себя шорты

вместе с бельем, отбрасываю в сторону.

Прижимаю боксеры к себе, вжимаю так сильно, как могу. Трусь — медленно, потом быстрее, чувствуя, как внутри нарастает волна, как тело выгибается навстречу собственным рукам. Губы прикушены до крови, дыхание рваное.

Закусываю большой палец, представляя, что это его рука. Пальцы работают на клиторе — быстро, жестко. Всхлип срысывается с губ, не могу сдержать. Живот втягивается, мышцы каменеют, ноги напрягаются.

Спина потеет — футболка прилипает к позвоночнику. Ноги дрожат от напряжения, колени подгибаются.

Стон громкий вырывается из груди. Зарываю лицо в подушку, чтобы приглушить. Хватаю жадно воздух. Пальцы разжимаются, трусы падают на простыню.

Чувствуешь, Камила? Так ты могла бы кайфнуть от Мартина... веревочки, скотч — и он лежит, связанный, беспомощный, полностью во власти.

Картинки вспыхивают перед глазами одна за другой: запястья прижаты к спинке кровати, грудь поднимается и опускается, взгляд — злой, растерянный, горячий. От этого низ живота снова скручивает тугим узлом.

Сжимаю простыню в кулаках, выгибаю спину, и стон вырывается сам — глухой, тягучий, полный того, чего нельзя говорить вслух.

Спускаюсь по лестнице. Слышу голоса охранников — они спорят у входа, но слов не разобрать. Вижу Эльдо — стоит у подножия лестницы, опершись плечом о перила. Замечает меня, машет рукой. Поднимаю свою и повторяю движение.

— Босс уехал, — говорит, когда подхожу ближе.

— Куда?

Эльдо оглядывается по сторонам — быстро, привычно. Затем наклоняется так близко, что чувствую запах жвачки.

— Явно к девушке какой-то, — шепчет с усмешкой.

Тело застывает. Смотрю на губы и не слышу слов — только читаю по движению.

Сердце сжимается злобно. Под ребрами разливается жар — не тот, сладкий и тягучий, а горький, едкий, как кислота.

— Все в порядке? — Эльдо изучает лицо, склоняет голову к плечу.

— Нет. Много у него девушек?

— Штучки две. Пару лет назад была одна.

Глаза сужаются. Пальцы впиваются в локоть.

— А ты что... ревнуешь?

— Да.

Эльдо подавился словами — закашлялся, прикрыл рот кулаком, смотрит так, будто выросла вторая голова.

— Слушай, Эльдо... — делаю шаг, кладу руку на грудь. Провожу пальцами по ткани футболки, чувствуя, как под пальцами напрягаются мышцы. — Не расскажешь, кто эти девушки? М? Мы ведь с тобой хорошо ладим, да?

Подаяюсь еще ближе — дыхание касается щеки. Охранник замирает, дышит реже.

— Мне просто очень интересно, что еще за зверушки у босса помимо меня.

Эльдо сглатывает. Адамово яблоко дергается вверх-вниз.

В дверь входит Мартин. Ботинки стучат по плитке. Эльдо отстраняется резко, будто током ударило. Делает шаг назад, руки в карманы. Мартин переводит взгляд с него на меня. Останавливается на том, как близко стою к охраннику. Как рука только что лежала на груди.

— Эльдо, давно ты флиртуешь с пленницами?

Голос низкий, спокойный, но в нем скрежет — как нож по стеклу.

— Босс, я не...

— Я не пленница, — перебиваю.

Мартин поворачивает голову на голос. В глазах усталость пополам с холодом.

— Снова спор ни о чем. Иди, Эльдо.

Эльдо бросает на меня взгляд и уходит. Провожая взглядом спину, слышу, как шаги удаляются по коридору. Перевожу взгляд на Мартина. Стоит, руки в карманах брюк, плечи развернуты. В груди колотится, под ребрами жжет — от ревности, от злости, от того, что он смотрит как на пустое место.

— Мне сказали, что ты уехал. К девушке, — выплевываю.

— Даже если и уехал, тебя это не должно волновать, Ка-

мила.

— Должно, если я хочу быть этой девушкой.

— Хотеть вредно, — бросает и идет в сторону кабинета.

Ботинки стучат.

— Почему ты так быстро вернулся? — спрашиваю в спину, повышаю голос, чтобы точно услышал.

— Потому что захотел. — Голос глухой, с ноткой раздражения. Мартин скрывается в кабинете, дверь закрывается за ним не хлопком — коротким, сухим щелчком.

Глава 7

Входим в особняк. Гостей много — мужчины в костюмах, женщины в платьях, музыка приглушенная, смех, звон бокалов.

Поправляю свои брюки костюма, жилетку — все цвета персика, ткань мягкая, приятно скользит под пальцами. Мартин останавливается рядом, оглядывает меня с головы до ног.

— Задаюсь вопросом еще с выхода из дома. Почему не платье? — в голосе и правда звучит любопытство, и это греет.

— Терпеть не могу платья, — отвечаю сухо, пусть подавится. — Мне нравятся костюмы. И я в них очень красива.

Задумывается на секунду — лицо застывает, глаза уходят в сторону. Потом разворачивается и идет в глубь зала, не кивнув, не сказав ни слова. Догоняю быстро — каблуки цокают по паркету, переставляю ноги чаще, чтобы поравняться. Иду рядом, плечо к плечу, чтобы все видели.

Вижу группу из четырех мужчин в центре зала. Амадо — сразу узнаю по разноцветным глазам. Рядом с ним Валерио Варгас. Дальше Фабио Викарио. И Кристиан Альварес.

Боссы пяти семей.

Рядом с каждым стоят женщины. Узнаю Анну, которую я должна была убить по приказу Саморано, чтобы добрать-

ся до Валерио. Русская девушка — темные волосы, темное платье, держится рядом с Валерио, как тень.

Сара стоит около Амадо, в голубом платье, волосы распущены. Увидела меня, улыбнулась краем губ. Рядом с Фабио девушка, которую называют Елена — темные волосы, глаза быстрые, цепкие.

Подходим ближе, Сара сразу крепко обнимает.

— Камила... Девочки, это Камила, — поворачивается к двум другим.

Елена улыбается мне — мягко, спокойно. Берет Фабио за руку, переплетает пальцы. Собственнический жест, даже не скрывает. Анна улыбается, поправляет темные волосы, падающие на плечи.

— Привет, я Анна.

— Знаю. Я должна была тебя убить.

Рука замирает на волосах. Сара выдыхает — резко, будто ударили под дых. Амадо расхохотался — громко, на весь зал, запрокинул голову. Валерио молниеносно берет Анну за талию, притягивает, пальцы впиваются в ткань платья.

— Камила, такое не надо говорить, — шепчет Сара, держит за локоть.

— Какая разница, а? — вылетает резко. — Хочу и говорю.

— Боже... Она мне нравится... Будь ты... — Амадо не заканчивает, улыбается акулей улыбкой.

— Амадо, — рычит Сара. Голос низкий, предупреждающий.

— Прости, Астра, — тянет, обнимает за плечи, прижимает так, что та не может дернуться.

Поворачиваю голову, осматриваю Кристиана и Фабио. Фабио даже не смотрит в мою сторону — взгляд приклеен к Елене. Кристиан пьет виски.

— И что мне тут делать? — поворачиваюсь к Мартину. В груди колотится, пальцы холодеют — от напряжения, от того, что вокруг враги, а у меня даже заколки нет, чтобы воткнуть кому-нибудь в шею.

— Не выносить мне мозг, — отвечает. Голос сухой, как всегда.

— Хорошо. Пойду прогуляюсь по залу. Может, найду кого-то из Саморано.

Поворачиваюсь — и Мартин хватает меня за голый локоть. Пальцы горячие, впиваются в кожу, дергают обратно так резко, что я натыкаюсь на грудь.

— У тебя даже пистолета нет, — шипит, наклоняясь к лицу. — Сдохнуть хочешь?

Расправляю плечи, поднимаю подбородок, смотрю в ответ. Внутри кипит — страх, злость, желание ударить, поцеловать, разбить лицо об пол.

— Какая разница, если после информации все равно убьешь? — шиплю в ответ.

— Кто кого убьет? — раздается голос Сары сбоку. Стоит, уперев руки в бока, смотрит на Мартина так, будто тот уже труп. — Кортес, я потом тебя убью, если ты сделаешь больно.

— Астра, — упрек от Амадо.

— Не затыкай мне рот. — Сара даже не смотрит.

— Может, хватит уже, — выдыхает Валерио. — Мятежная, пойдем пожрем. Они тут все злые.

Анна кивает и идет за ним, оглядываясь на нас как на дебилов. Складываю руки на груди — чувствую себя обиженным ребенком, которому не дали конфету. Стою рядом с Мартином, плечом к плечу, но не касаюсь.

Осматриваю зал в поисках знакомых лиц. Вижу, как Сара делает то же самое — голова поворачивается медленно, глаза сканируют толпу. Наши взгляды встречаются на секунду. Она поднимает бровь. В ответ пожимаю плечом.

Стою около стола, ем клубнику в шоколаде — сладко, сок капает на пальцы. Мартин берет у официанта бокал с виски, кивает, и в этот момент какая-то дама в красном платье подходит к нему, касается плеча. Он наклоняется и целует в щеку.

Рука дергается — чуть не роняю тарелку. Глаза расширяются, в груди становится тесно. Клубника во рту превращается в горелую вату.

Быстро иду к нему. Обхожу гостей, не извиняясь, толкаю плечом мужчину в смокинге. Мартин замечает меня за три шага. Стоит, смотрит. Дама в красном уже упорхнула.

— А меня ты поцелуешь? — выпаливаю, останавливаясь

перед ним. Грудь поднимается часто, пальцы сжимаются в кулаки.

— Зачем? — спрашивает, не меняя выражения лица.

— Почему ее целуешь? — киваю в сторону, где только что стояла дама в красном.

— Потому что она знакомая. Поцелуй в щеку при встрече...

— Не обманывай. Какая к черту встреча? Вы даже не говорили. — делаю шаг ближе, накатывает запах его парфюма, виски, табака.

— Камила, с чего такая ревность? У тебя даже нет...

— У меня есть право на ревность.

— Все это детская херня, — голос Мартина становится на тон жестче, почти грубо. — Ты ведешь себя как ребенок.

— Потому что я больная. Ясно?

Слова вылетают сами, даже не успеваю их обдумать. Внутри дрожит.

Глаза выхватывают знакомое лицо среди гостей. Мужчина в сером костюме, с бокалом в руке, смеется. Узнаю по походке, по тому, как держит плечи. Саморано. Один из тех, кого видела в штабе.

Хватаю Мартина за руку — пальцы впиваются в запястье, чувствую биение пульса под кожей. Мартин хмурится, пытается убрать руку, дергает кистью.

— Тут Саморано, — чуть ли не рывкаю в лицо.

Мартин перестает. Наоборот — тянет ближе, заслоняет.

Оказываюсь прижатой к груди, чувствую тепло через ткань рубашки, запах парфюма, виски, табака.

Тело начинает мелко дрожать. Выглядываю из-за плеча, лихорадочно осматриваю зал, цепляюсь взглядом за каждое лицо, каждое движение.

Раздается выстрел — резкий, сухой, как хлопок бича. Сразу за ним — визг, звон бокалов, крики.

Мартин хватает за плечи, разворачивает, и мы вместе валимся в сторону. Ногой поддевает край стола — тяжелая деревянная столешница переворачивается, все, что на ней стояло, летит вниз: тарелки, бокалы, ваза с фруктами.

Оказываемся за столом, прижавшись к полу. Мартин сверху, закрывает своим телом. Чувствую дыхание на шее, слышу, как бьется сердце.

— Переспим под звуки выстрелов? — шепчу, чувствуя, как дыхание обжигает.

Глаза находят лицо в полумраке под перевернутым столом.

— Сумасшедшая. Угомонись.

Успеваю коснуться губами губ. Коротко. Почти невесомо. Мартин не отвечает, но и не отстраняется. Только смотрит — зло, растерянно, голодно.

— Камила, угомонись. Тут начинается перестрелка, — шепчет, убирая за шею. Ладонь горячая, пальцы сжимают кожу.

— Да плевать мне на перестрелку. Какой с нее толк, если

мы сдохнем? Даже не переспим, Мартин...

Визги и выстрелы наполняют зал. Рядом разбивается стекло. Слышу, как люди кричат, как кто-то командует, но все это — будто за толщей воды. Смотрю на губы Мартин.

— Камила, выходи, — раздается очень знакомый голос, когда стрельба стихает. Тишина кажется тяжелее, чем взрывы.

Тело замирает — я перебираю в памяти, лихорадочно, быстро.

— Камила! Я же за тобой приехал сюда, милая.

Голос теплый, заботливый — тот самый, которым уговаривал ехать на задание. Мартин качает головой — резко, коротко.

— Дай пистолет, — шепчу.

— Нет.

— Дай. Пистолет.

Тот не успевает сказать нет — я выхватываю пистолет из-за его пояса и сую себе за спину, в резинку брюк. Встаю. Мартин тянется, но уже выхожу из-за стола, поднимаю руки — ладони раскрыты, пальцы растопырены.

— Привет, Арчи, — делаю голос дрожащим, на грани слез.

Арчи стоит в кругу своих людей. Убирает пистолет в кобуру, ухмыляется — широко, довольно.

— Милая. Ты жива.

Каблуки цокают по битому стеклу, по осколкам. Плечи

опущены, подбородок дрожит.

— Боже, Арчи... Я год просидела в том подвале... Эти барселонцы такие свиньи!

Арчи тянет руку ко мне. Я вытираю наигранные слезы — провожу пальцами под глазами, влажно, холодно. Кладу свою ладонь в его. Притягивает к себе, обнимает за плечи. Пахнет от него порохом.

Поднимаю взгляд.

— Ты правда приехал забрать меня? — шепчу.

— Разве может Саморано оставить такого агента? Конечно, приехал.

Прижимаюсь, кладу голову на плечо. Как же классно пользоваться теми, кто верит, что я такая, какой кажусь сейчас. Притворяться в кругу Саморано я научилась давно — улыбаться, плакать по заказу, дрожать, когда нужно.

— Расскажешь, где сидят свиньи?

— Да.

— Я буду очень внимательно слушать...

— Вот за тем столом, — указываю рукой в сторону, а второй лезу за спину. — Сидит Валерио. И там же Анна.

— М-м... Камилочка. Мне очень жаль, что произошла ошибка и тебе преподнесли информацию неправильно. Никто от тебя не отказывался. Настродалась...

Выхватываю пистолет, упираю дуло ему под подбородок. Кость твердая, кожа натянута.

— Врать будешь в аду.

Нажимаю на спуск. Голова Арчи взрывается — теплая липкая волна брызгает мне на лицо, на руки, на персиковый костюм.

Ухожу за колонну, пули вгрызаются в мраморную крошку рядом с моей головой. Проверяю магазин — дергаю затвор, смотрю на окошко. Черт. Пара патронов. Два, от силы три.

Высовываюсь на секунду, стреляю в первого, кто оказывается в прицеле. Попадаю в грудь — мужчина в сером костюме оседает, хватается за рану, падает лицом в пол. Кровь растекается по белому мрамору.

Вижу, как из укрытия выглядывает Сара — волосы растрепанны, глаза горят. Стреляет дважды, метко, без дрожи. Амадо рядом хватается за затылок, целует быстро, жадно, прямо посреди перестрелки. Сара рычит, бьет ладонью в плечо, но тот только улыбается — как акула, как безумец.

Кристиан стреляет спокойно, почти лениво, опуская одного за другим. Анна присела за колонной, бьет в упор в парней, которые пытаются подобраться к ней с фланга. Валерио выскакивает из-за ее спины, прикрывает, стреляя поверх плеча.

— Камила, ты дура?! — рывкает Сара. Голос срывается на визг. — Какого хера ты вышла к нему?

Стою посреди трупов. Один еще шевелится, хрипит, пытается ползти — его оставят для опроса. Гости начинают вы-

ходить из укрытий. Другие лежат неподвижно, в лужах крови, которая растекается по белому мрамору.

— Хотелось убить, — отвечаю счастливо, с улыбкой. Пальцы сжимают пистолет, руки любят это дело — твердую рукоятку, отдачу, тепло после выстрела. — Поэтому и вышла.

— Ты сумасшедшая. — Ко мне подходит Анна, поправляет выбившуюся прядь. — Нельзя действовать без плана. Тебя могли убить.

— Чего вы все задницы рвете? — выплевываю. — Я жива? Жива. В меня выстрелили? Нет. Закройте рот. Раздражаете.

Сара закатывает глаза, заламывает руки. Анна качает головой, отворачивается. Елена поднимает уцелевший бокал, наливает себе шампанское из бутылки, которую кто-то бросил, и пьет.

Меня хватают за руку. Мартин рывком разворачивает к себе, пальцы впиваются.

— Твои мозги хоть соображают? — тычет пальцем в лоб, надавливает, так что голова откидывается назад.

Наблюдаю, как Мартин злится. Жилы на шее вздулись, скулы ходят, глаза горят. Хаваю эти эмоции — каждую морщинку между бровями, каждое резкое движение, каждое слово, которое выплевывает. Внутри разливается тепло, сладкое, запретное.

— Ты испортил мой вечер, — Амадо подходит и шевелит труп парня ногой, как дохлую крысу. — Отбросы Самора-

но... как же вы достали.

— Домой, — Мартин хватает за руку и тянет к выходу, пальцы впиваются в запястье.

— Не хватай меня, — выдергиваю руку из захвата. Сердце колотится в горле, адреналин не отпускает, пальцы дрожат.

Мартин поворачивается ко мне. Лицо жесткое, челюсть сжата.

— Домой, Камила.

Поправляю волосы — провожу пальцами, откидываю с лица. Взгляд находит Сару. Та стоит, уперев руки в бока, и прожигает Мартина суженными глазами. Потом переводит взгляд на меня. Улыбаюсь. Подмигиваю. Сара закатывает глаза, хватается Амадо за локоть и оттаскивает от трупa.

Прохожу мимо Мартина к выходу. Не смотрю на него. Каблуки цокают по битому стеклу.

Вхожу в комнату. Смотрю на статуэтку — фарфоровая женщина, застывшая в танце.

Камила, возьми и вырубь его.

— Можешь помолчать хоть минуту? — стискиваю пальцами виски, надавливаю так, что больно.

— Камила.

Замираю. Почему я не слышала, как он вошел? Черт.

Продолжаю стоять, не оборачиваясь. Спинай чувствую дверной проем, тишину за спиной. Потом легкий ветерок —

Мартин шагнул ближе. Собственные плечи выравниваются автоматически, спина становится прямой, как струна. Меня окутывает его запах.

— Никогда не действуй на рожон, — голос опускается до хриплого шепота. Горло сжимается, колени слабеют, внутри переворачивается от одного звука.

— Я знала, что делаю.

— Тебя могли убить.

Наконец поворачиваюсь. Мартин стоит в двух шагах, руки в карманах брюк, лицо напряженное, глаза прожигают.

— Босс, ты переживаешь, что твою сучку убьют? — улыбаюсь.

— Ты не моя сучка.

Уголки губ дернулись вниз, но не сошли с лица. Делаю шаг вперед.

— Ошибаешься, — шепчу, смотрю в глаза. — Я твоя сучка.

Мартин изучает. Зрачки проходят по моему телу, задерживаются на груди, на талии, на губах, затем возвращаются к глазам.

— Тебе пора спать, Камила.

— Не прогоняй меня спать.

— У тебя руки дрожат, — говорит. Сжимаю пальцы в кулаки и прячу за спину. — И ты устала. Адреналин убьет тебя. Знал бы ты, сука, от чего у меня руки дрожат.

— Приятных снов, Камила.

Мартин разворачивается. Смотрю на спину, на лопатки под тканью рубашки. Рука сама тянется к статуэтке — холодная, каменная, в самый раз. Пальцы обхватывают основание. На подъем. Замахиваюсь. Удар по затылку — глухой, тяжелый звук.

Тело замирает на секунду, потом оседает. Успеваю подхватить, чтобы не было грохота. Тяжелый. Твою мать.

Опускаю на пол, сажусь рядом. Засматриваюсь на лицо мафиозника. Красивое — даже сейчас. Волосы упали на лоб, губы приоткрыты, дышит. Рука мокнет от крови — теплая, липкая, течет по пальцам. Целую в лоб. Губы чувствуют соленый пр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.